

«Кризис нэпа» в северной деревне, или «Пролетаризация» крестьян как специфическая форма «раскрестьянивания» в неземледельческих районах России¹

Т. И. Трошина, О. М. Морозова

Татьяна Игоревна Трошина, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. 163002, наб. Северной Двины, 17, Архангельск, Россия; профессор кафедры гуманитарных наук, Северный государственный медицинский университет. 163000, пр. Троицкий, 51, Архангельск, Россия

Ольга Михайловна Морозова, доктор исторических наук, профессор кафедры «Связи с общественностью», Донской государственный технический университет. 344000, пл. Гагарина, 1, Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: olgafrost@gmail.com,

Аннотация. Вопросы индустриализации и коллективизации в северных губерниях РСФСР исследованы достаточно хорошо, с упором как на положительные, так и негативные их последствия. Изложенный в статье материал может послужить основанием еще для одной дискуссии об альтернативных формах социального, экономического, политического развития страны на примере конкретной территории.

В статье развернут тезис о роли «кризисов нэпа» в окончательном переходе к «форсированной индустриализации». Известны два крупных кризиса — «кризис сбыта» (1923–1924) и «кризис хлебозаготовок» (1927–1928), каждый из которых в той или иной степени повлиял на переход к плановому хозяйству. Менее известен кризис рабочих рук, разразившийся в северных (лесных) губерниях Европейского Севера в заготовительный сезон 1925/26 года и сыгравший аналогичную роль в индустриализации советской лесной промышленности. Суть этого «кризиса» — в конкуренции заготовительных организаций, которая способствовала стремлению крестьян — лесорубов и сплавщиков отказываться заключать договоры, дожидаясь более выгодных предложений. Полукрестьянское хозяйство лесорубов позволяло им быть достаточно независимыми от заработка в лесной отрасли. Саботирование заключения договоров с лесозаготовителями, отказ от выполнения уже заключенных соглашений вели к срыву производственных планов, невыполнению обязательств по экспорту древесины, особенно у «неповоротливых гигантов» — государственных трестов, и создавало предпосылки к принятию правительственных мер по плановому использованию рабочей силы. То же касается вопроса «колонизации» региона, поскольку постоянный дефицит рабочей силы существенно удорожал стоимость экспортной древесины. Все чаще возникали мысли о необходимости введения специализации регионов, в конечном счете — «пролетаризации» крестьянства, занятого лесозаготовками.

-
1. Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом РНФ (проект № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России»).

Эти радикальные идеи на фоне реальных проблем стали овладевать умами и более рациональных хозяйственников. Негативные результаты полугосударственного хозяйствования на ресурсных территориях периода нэпа создали представление о пятилетних планах как наиболее перспективном и быстром способе их преодоления. Несмотря на сохранявшийся революционный энтузиазм с его идеями свободы, практики все чаще соглашались с предложениями предпринимателей XIX века о необходимости использовать здесь принудительный труд. Заселение лесных районов административно высланными крестьянами, а также твердые задания по лесозаготовкам для местного населения, включая колхозников, виделись единственным выходом из создавшегося кризиса, который рассматривается в статье как еще один «кризис нэпа». Для обоснования своих выводов авторами привлечен большой комплекс источников, в первую очередь архивных документов.

Ключевые слова: Европейский Север России, северные крестьяне, неземледельческие занятия, новая экономическая политика, индустриализация, лесозаготовки, дефицит трудовых ресурсов, лесная индустрия, формы крестьянского протеста

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-122-143

Новая экономическая политика создала сложности на пути дальнейшей индустриализации промышленности, выразившиеся в так называемых «кризисах нэпа»: «кризис сбыта» (1923–1924) и «кризис хлебозаготовок» (1927–1928) в той или иной степени повлияли на выбор пути к решительному переходу к коллективизации и к плановому хозяйству. Для лесной промышленности страны такое же значение имел кризис рабочих рук в лесных уездах Европейского Севера, разразившийся в заготовительный сезон 1925/26 года и продолжавшийся, несмотря на принимаемые меры, последующие два года. Он повлиял и на инструменты обеспечения экономических мероприятий, и на последующую демографическую картину отдаленных районов страны.

В получившем в последние десятилетия бурное развитие отечественном «крестьяноведении» изучение такого социального слоя, как крестьяне-«полурбочие» периода нэпа, продолжает оставаться как бы в стороне. Причины задержки значительной части крестьян неземледельческих районов страны в этой категории населения нуждаются в изучении. Среди уже названных причин указывались особенности социальной организации северной деревни. Во-первых, отсутствие на значительной части этих территорий выкупных платежей, а также невысокая стоимость пахотной земли не способствовали крепким общинным отношениям (подробнее см.: Трошина, 2011). Во-вторых, это распространение временного найма работников, не оторвавшихся от крестьянских занятий. Сошлемся на Л. В. Милова (Милов, 2001: 487-489), отмечавшего (хотя и применительно к более ранней эпохе, но народная экономика достаточно инерционна, поэтому этот вывод можно использовать и к изучаемому периоду) выгодность найма на определенные виды работ крестьян, нуждающихся в дополнительном приработке и доволь-

ствующихся небольшим заработком. Та же тенденция сохранилась и в советское время в северных губерниях Европейской России, регионе, являвшемся важным сырьевым придатком «валютного цеха страны» (беломорского лесопиления). Таковыми были крестьяне, занятые заготовкой леса и доставкой (сплавом) его к лесопильным заводам. Неустойчивое предложение рабочих рук для обеспечения важных экспортных операций в области лесозаготовок оказывало неожиданно сильное влияние на многие экономические процессы.

Этот, казалось бы, частный вопрос региональной истории важен для понимания предпосылок дальнейших событий: направления спецпереселенцев (раскулаченных крестьян) именно в эти — отдаленные и малонаселенные неземледельческие районы, а затем и специфическая коллективизация северных крестьян, когда им была вменена обязанность заниматься лесозаготовками за минимальную плату.

Новая экономическая политика, в частности кризисные явления, которые в той или иной степени повлияли на политическую жизнь страны, возбуждают интерес отечественных историков (Горин, 1990; Голанд, 1991; Зозуля, 2002).

В последнее время отмечается поворот изучения хозяйственной жизни периода нэпа в сторону региональной проблематики (Бехтерева, 2020: 59). Объектом анализа при этом остается по преимуществу промышленный рабочий класс (Фельдман, 2022; Рапопорт, 1984; Шубин, 2000; и др.).

Лесозаготовки, будучи важным экспортным ресурсом периода восстановления народного хозяйства, вниманием исследователей (как историков, так и экономистов и юристов) не обойдены (Шегельман, 2015; Вавулинская, 2017; Воейков, 2020). Изучение региональных форм их организации в 1920-е годы убеждают, что проблемы были примерно схожие: это и недостаток продовольствия, которое в то время было самой твердой «валютой»; и конкуренция лесозаготовительных организаций (Воейков, 2011), что на малонаселенных территориях позволяло крестьянам при определенных обстоятельствах диктовать нанимателям свои условия.

Положение крестьян-лесозаготовителей рассматривается в том числе и с точки зрения принуждения к труду, однако это скорее относится к колхозному периоду истории северной деревни (Якоб, 2013). Исследуются бытовые проблемы работающих в лесу рабочих (Дианова, 2019; Трошина, 2024), привлекавшие как до Революции, так и в 1920-е годы внимание, прежде всего, близких к эсеровской программе кооператоров.

«Кризис рабочих рук» на лесозаготовках в середине 1920-х годов как отдельная проблема не рассматривался, будучи лишь упомянутым в контексте последующего перехода к коллективизации и плановому хозяйству. Вместе с тем оформился тезис о связи кризиса рынка труда в лесозаготовках с актуализацией планов по колонизации северных территорий, выработанных усилиями хозяйственных и политических органов (Саблин, 2021).

Дореволюционные источники (отчеты губернаторов и уездных начальников) содержат информацию в основном о количестве крестьян, занятых на лесозаготовках, и об уровне их заработков. Формы и условия найма можно восстановить только по фрагментарным сведениям, содержащимся в документах о конфликтах между нанимателем и рабочими, а также — в «демократической печати», достоверность которой, впрочем, нередко вызывает сомнение.

Развитие «кризиса рабочих рук» осенью 1925 года представлено в документах учреждений и ведомств северных губерний РСФСР. Самый широкий круг источников (выступления на партийных и крестьянских конференциях различного уровня; «закрытые письма» партийных комитетов и организаций; газетные публикации; служебная переписка и проч.) позволяют проследить динамику крестьянских настроений, проявившихся преимущественно в инертном отношении к предлагаемым на лесозаготовках заработкам, в которых крестьяне, казалось бы, объективно нуждались. Эти настроения почти одновременно охватили значительные территории нечерноземных и лесных губерний.

Лесорубный промысел как специфическое занятие северных крестьян

Развитие частной лесопильной промышленности в Беломорском районе относится к последней четверти XIX века. Крестьяне уездов этого района перешли от традиционных занятий охотой и морскими промыслами к работе на лесозаготовках. Лесорубный период (зима) и сплавной (поздняя весна и раннее лето) приходились на самое «безработное» время деревенской жизни. Молодежь отправляли работать на лесозаводы, но для значительной части крестьян это были всего несколько лет, обычно — «до женитьбы» или «до армии».

Для занятий лесорубным и особенно сплавным промыслом необходимо было обладать хорошим здоровьем и определенной квалификацией. Именно из этой категории крестьян выдвигались наиболее предприимчивые люди. По воспоминаниям уроженца Пинежского уезда, до Революции крепкие физически лесорубы начинали подсобниками, потом «покупали дешевый “билет” (лицензию) на вырубку трудных лесных участков (поврежденных буреломом или огнем), быстро богатели, покупали хороших лошадей, подряжали других на черную работу, организовывали артель, которая потом и заключала договор с представителем лесопильного завода, приезжавшим в деревню специально для этой цели»². Было принято, что для обсуждения условий дого-

2. Государственный архив Архангельской области, отдел документов социально-политической истории (далее — ГААО. ОДСПИ). Ф. 866с. Оп. 3. Д. 278. Л. 8-10.

вора с артелью приезжий подрядчик накрывал стол с угощением дня на два. Крестьяне-артельщики стремились обговорить более удобный для себя участок под вырубку — недалеко от своей деревни и от сплавных речек, и договор подписывался к удовольствию обеих сторон.

Кроме профессиональной квалификации, непосредственно относящейся к лесозаготовкам, рабочие должны были обладать и другими трудовыми навыками. Для обустройства жизни и работы в лесу в течение нескольких зимних недель им следовало построить лесную избушку с печью, нарами, столом и скамьями и конюшню для лошадей, устроить лесовозную дорогу и катище (скат к реке); весной — расчистить сплавные речки. Все эти умения приобретались с малолетства: лесорубы брали с собой сыновей-подростков. На менее квалифицированные виды работ (вывоз леса к катищам, обрубка сучьев и другая первичная обработка бревен) нанимались к артельщикам-лесорубам бедные и безлошадные крестьяне, как правило, за небольшую плату и готовые харчи.

Демократическая пресса того времени, а также отчеты уездных чиновников обращали внимание на кабальные формы заключения договоров с крестьянами-лесорубами. Пользуясь нехваткой хлебных запасов у населения этих неземледельческих районов, из года в год возникавшей поздней весной и летом, договоры на зимние лесозаготовки заключались не столько за деньги, сколько путем авансирования продовольствием. Революционная пропаганда создавала у северных крестьян «образ врага» именно из заводовладельцев и их подрядчиков, объясняя такие условия найма мошенническими операциями. Вместе с тем производимый с рабочими-лесорубами окончательный расчет был вполне щедрым, и эта категория сельского населения всегда относилась к зажиточной. В отличие от маргинализированных отходников на фабрично-заводские заработки, лесорубы держались за свое крестьянское хозяйство, вкладывая в него немалые заработанные средства.

Уровень заработка в разных зонах лесозаготовки до Революции имел свое обоснование. В смежных районах резкой разницы в расценках не наблюдалось, что было связано с переизбытком рабочих рук и обособленностью лесных участков. Кроме того, в каждом районе обычно действовала одна заготовительная организация³. До Революции были ниже расценки для лесорубов в Вологодской губернии, как более «хлебной»; цены на хлеб тут были ниже, чем в Архангельской. Этот разрыв воспринимался как справедливый и недовольства не порождал⁴.

3. ГААО. Ф. 371 Оп. 1. Д. 376. Л. 32.

4. ГААО. Ф. 371 Оп. 1. Д. 376. Л. 32об.-34.

Первая мировая война привела к остановке работавших на экспорт лесозаводов. Существенно ограничила возможности для лесозаготовок и массовая мобилизация мужского населения деревни. Топливный кризис на последнем этапе Гражданской войны поднял потребность в возобновлении лесозаготовок на уровень вопроса государственного значения.

Первоначально организация заготовок и сплава древесины была передана в руки местных властей традиционных районов лесозаготовки, но это дало плачевные результаты. Для обеспечения рабочей силой в леса вывозились горожане, вплоть до барышень-совслужащих, устанавливалась повышенная зарплата, предоставлялось бесплатное питание (суп мясной, пшенная каша). В отдельных случаях лесорубы выдвигали требования бесплатного отпуска водки, объясняя работой в тяжелых климатических условиях⁵. Помимо скудности средств для материального стимулирования исполкомы столкнулись с нежеланием крестьян возвращения государственного регулирования пользования лесами после короткого периода «свободы» (1917–1918 гг.) (Трошина, 2017).

В 1920 году была сделана первая попытка централизации добычи древесины. В Вологодской губернии работали 25 лесозаготовительных контор, в основном «по непосредственным заданиям центра». Организацией их работ занимались «различные уполномоченные от главков», которые при этом «не брезговали никакими способами», чтобы обеспечить выполнение спущенных из центра заданий⁶. Однако они не могли привлечь рабочих и из-за острой конкуренции между собой, и в связи с обесцениванием денег. Местным органам власти пришлось вводить трудовую повинность, а «для воздействия» устраивать показательные выездные сессии народного суда, нередко с привлечением вооруженных отрядов⁷.

С переходом к новой экономической политике в 1921 году в лесопромышленном секторе Европейского Севера появился «монополист» — государственный лесопромышленный трест «Северолес». Его задачей было максимально быстрое восстановление экспорта древесины на мировой рынок.

В какой-то степени обеспечить приток рабочих рук в отрасль удалось в связи с ситуацией, для земледельческих районов катастрофической: неурожай 1921–1922 годов заставил северных крестьян, нуждавшихся в дополнительных заработках для закупки воз-

*Т. И. Трошина,
О. М. Морозова*
«Кризис нэпа»
в северной
деревне...

5. ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Л. 5. Д. 72. Л. 53 об.

6. Материалы 4, 5, 6, 7-го общего собрания уполномоченный союза лесопромышленных трудовых артелей Северного края (1919–1920 гг.). Вологда, 1922. С. 133, 365, 428.

7. Материалы (доклады, журналы и проч.) общего собрания... 20–22 июня 1919, 1920. Вологда, 1922. С. 367, 430–431.

росшего в цене хлеба и отсутствия из-за плохих погодных условий собственных запасов, активнее идти на лесозаготовки⁸.

Квалифицированных лесорубов стремились привлечь повышенными продовольственными пайками и привилегированным обеспечением ширпотребом. Такая эксплуатация «за кусок хлеба» не отталкивала крестьян промысловых волостей, которые вынуждены были обращаться к властям с просьбой дать им хоть какой-нибудь «лесной» заработок. Признавалось, что в условиях нарушения прежних способов доставки в неземледельческие районы продовольствия «население, желая хоть что-нибудь заработать, идет работать» на любых условиях⁹. В Архангельской губернии, в которой насчитывалось 64 тыс. крестьянских дворов, на лесозаготовках работало 25 тыс. человек — около трети всех трудоспособных мужчин¹⁰.

Решение государственных задач сопровождалось социальным напряжением. По настоятельному требованию одного из организаторов «Северолеса» и его технического руководителя С. И. Либермана к делу были привлечены «спецы» из бывших заводладельцев и управляющих производством (Либерман, 1944), которые начали восстанавливать прежние способы обеспечения заводов сырьем. Артели лесорубов набирались через прежних подрядчиков, что вызывало недовольство беднейшего населения деревни, отражавшееся в закрытой документации местных партийных органов.

В Северо-Двинской губернии в заготовительный сезон 1923/24 года фиксировалось недовольство эксплуатацией лесорубов в районах лесозаготовок¹¹. Так, обращалось внимание, что агенты-лесозаготовители предпочитают заключать договоры не с артелями, собранными из «бедняков», а с «отдельными гражданами», то есть подрядчиками, собиравшими «свои» артели, которым (вероятно, как более надежным) предлагали высокую плату¹². Подогревала недовольство и деятельность государственного «Северолеса» как монополиста. По словам делегата партийной конференции, трест «наживается на [крестьянской] нужде», пользуясь зависимостью северного крестьянина от «лесного» заработка для закупки недостающего хлеба, для расчета с налогами и прочих необходимых трат¹³.

Идеологически мотивированные требования северных партийцев далеко не всегда соответствовали интересам не только лесного экспорта, но и настроениям крестьянства. Основные лесозаготов-

8. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. р-2. О. 1. Д. 1167.

Л. 103-104; ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 2, 340б., 49.

9. ГАВО. Ф. п-894. Оп. 1. Д. 12. 1925. Л. 59-60.

10. ГААО. ОДСПИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 163. Л. 30.

11. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 340б.

12. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 2.

13. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 49.

ки для лесозаводов Архангельска проводились в соседних Вологодской и Северо-Двинской губерниях и в Автономной области Коми, где сельское хозяйство было достаточно развитым, хотя и находилось в упадке после «разверсток» периода военного коммунизма. Зарплата на лесозаготовках на 85% выдавалась продуктами и мануфактурой, на 15% — деньгами¹⁴. Осуждая расплату «натурой», власти постоянно вели борьбу за переход к денежным расчетам, что не устраивало крестьян, привыкших получать аванс и расчет продуктами, исходя из собственных потребностей, а не из их стоимости. Кроме продуктов питания (рожь, овес, рыба) в натуральную плату входили дефицитные в послевоенный период топоры и пилы, а также мануфактура и обувь¹⁵.

Классовая шкала, применительно к лесозаготовителям, нарушала традиционный принцип формирования артелей. Разрешение при переходе к нэпу наемного труда автоматически превращало лесоруба, нуждавшегося в помощниках (рубщиках сучьев, возчиков бревен), в «эксплуататора», а относительно высокие заработки — в «зажиточного». Чтобы не быть причисленным к кулакам, лесоруб «вынужден тянуть с собой в лес малолетних и женщин»¹⁶, что приводило к увеличению травмирования таких неподготовленных работников.

Высокие заработки и специальные, «усиленные» пайки способствовали росту напряжения в деревне, негативному отношению крестьянской массы к лесорубам. Профессиональный «союз работников земли и леса» первоначально был рассчитан на батраков и других наемных работников; лесорубы же полагаться на правовую защиту профсоюза не могли. Неслучайно эта наиболее квалифицированная, экономически активная и материально обеспеченная часть крестьянства стремилась к какой-то самоорганизации, все чаще поднимая вопрос о создании собственного профсоюза¹⁷ и даже партии. Так, в 1924 году на уездной партконференции в Сольвычегодске у части делегатов проявилось «недовольство недостаточным вниманием к крестьянству... Мол, если запрещают [вступать в ВКП(б)], то крестьянам надо создать свою партию»¹⁸.

Обозначилось напряжение между городом и деревней, рабочими и крестьянами-лесорубами. С точки зрения партийцев, крестьяне испытывали «ревность» к рабочим, заявляя: «Сколько ни выбирай, лучше не будет. Везде диктатура рабочих, а их немного. Нас, крестьян, миллионы, нужна диктатура крестьян»¹⁹. Со стороны рабочих тоже было недовольство: «В Архангельской губернии крестья-

14. ГААО. ОДСПИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 163. Л. 30.

15. ГААО. Ф. 4425. Л. 1. Д. 3. Л. 324-326.

16. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 49.

17. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 93.

18. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 86-98.

19. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1446. Л. 147.

нин [на лесозаготовках] зарабатывает не меньше, чем пролетарий на заводе»²⁰, что считалось недопустимым, поскольку у рабочего не было иных источников доходов и средств пропитания, в отличие от крестьянина. С другой стороны, «с мест», от партийных и беспартийных крестьянских конференций, от профсоюзных организаций приходила информация о беззащитности лесорубов и сплавщиков перед лесозаготовителями, о пренебрежении защитой их прав на том основании, что они «не пролетарии».

В лесозаготовительный сезон 1925/26 года в связи с ростом внутреннего потребления древесины проблема рабочих рук в отрасли неожиданно вновь обострилась. Помимо прежних заготовителей, которые обеспечивали сырьем работавшие на экспорт архангельские лесопильные заводы, началось «вторжение» новых заготовительных организаций, ориентированных на внутренний рынок²¹. В связи с падением цен на мировом лесном рынке и переходом СССР к индустриализации ходатайствовать о разрешении продавать часть лесопромышленной продукции внутри страны стали и иностранные фирмы, получившие лесные концессии в северных губерниях Европейской России на условиях работы исключительно на экспорт.

Конкурируя за рабочие руки, лесозаготовители перебивали друг другу цену, что «в малолюдном крае превратилось в злостный ажиотаж»²². В некоторых лесных районах заработок лесорубов стал весьма высок и сравним с заработной платой промышленных рабочих²³. В этих условиях конкуренции лесозаготовительных организаций возникли крайне неравномерные заработки лесорубов. Например, в некоторых районах, прежде всего вдоль железных дорог, расценки на труд были значительно выше. Быстро распространившись по Северо-Восточной экономической области (в которую входили северные территории Европейской России), слухи о «баснословных заработках» вызвали «отток» рабочих рук в более выгодные районы, а оставшимся в традиционных районах лесозаготовок — давало возможность выставлять собственные требования.

Но еще худшей стала ситуация, когда лесорубы, пользуясь относительной продовольственной независимостью, вернувшейся к ним с восстановлением сельского хозяйства, стали тянуть с заключением договоров с заготовительными организациями, дожидаясь от последних лучших предложений. По свидетельству концессионеров, рабочая сила в малолюдных районах «используется нерационально: рабочие сплошь и рядом подряжаются [различным организациям] и выжидают, кто даст дороже, и начало работ затягивается»²⁴.

20. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 568. Л. 118.

21. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 32.

22. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 32-32об.

23. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 568. Л. 118.

24. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 666-а. Л. 27-30.

Государственный трест «Северолес», основной работодатель в северных губерниях, в «рыночных» условиях терявший свое монопольное положение, обращал внимание центральной власти, что отсутствие единого заготовителя не только удорожает работы путем явных и скрытых обходов согласованных цен, но ведет к уменьшению объема лесозаготовки, так как крестьяне в ожидании, что тот или другой конкурент лишится спокойствия и прибавит цену, не выезжают в лес в первую часть зимы, т. е. в наиболее удобный для заготовок период²⁵.

В отчетах хозяйственных органов подобные действия крестьян характеризовались как «волынки» (или забастовки). В марте 1926 года «забастовка» состоялась в Холмогорском уезде Архангельской губернии, где крестьяне демонстративно отказывались заключать трудовые договоры, дожидаясь, когда «перетягивание рабочей силы» между лесозаготовителями приведет к предложению повышенных расценок²⁶. Тогда же в одной из волостей Пудожского уезда Карелии общее собрание лесорубов потребовало увеличения зарплат, сокращения норм выработки, предоставления инструментов, заявив, что в случае отсутствия ответа в течение трех дней отказываются выходить на работу и что трехдневный прогул должен оплатить наниматель²⁷. Много случаев отказа лесорубов от работы в связи с низкими расценками фиксировалось в Северо-Двинской губернии, основном районе лесозаготовок для архангельских лесозаводов. Согласившись на предлагаемые условия, лесорубы выезжали на участки, но отказывались работать, настаивая на повышении расценок²⁸.

Информационные отчеты партийных органов дают представление о «рассуждениях» рабочих, занятых на лесозаготовках. Они ждали повышения расценок к весне, по примеру прошлых лет: «Сейчас цены назначены низкие, никто из нас в лес не поедет, выждем, пока дадут цены...»²⁹.

Фиксировалось «нарушение договорной дисциплины» всеми сторонами. Агенты-лесозаготовители обманывали лесорубов: при найме им предлагали лучшие условия для работы, чем те, которые артельщики обнаруживали, уже прибыв на место³⁰. Стремясь обеспечить лесозаготовки рабочими руками, агенты выдавали завышенные авансы, нередко превышавшие ожидаемый заработок — до 10 руб. в день³¹ (при средней зарплате промышленного рабочего 46

25. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 414. Л. 20-21.

26. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1285. Л. 12.

27. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 59. 1925-1926. Л. 34-35.

28. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1948. Л. 138.

29. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 44.

30. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1285. Л. 8.

31. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 5-7.

руб. в месяц). Повышенные авансы, которыми заготовители заманивали лесорубов, не означали благоприятных условий найма для рабочих. Итоговый расчет был низок, случалось, что его вообще не выдавали, а аванс был уже «проеден»³². Таким образом, добившись уступок, крестьяне-лесорубы оказывались нередко в худшем положении.

Судебные дела показывают махинации и со стороны артелей, пытавшихся получить лучшие условия, чем было оговорено при заключении договора: «часто рабочие получают задатки по 5–25 руб., а на работу не выходят»³³, выжидая повышения расценок якобы в связи с нарушением прописанных в договоре условий работы.

Надеясь на повышение расценок, крестьяне Ухтинского уезда Карельской АССР, сговаривались начать работу, а потом внезапно ее прекратить: «Будем договариваться о повышении, если не добьемся, то объявим забастовку. Администрация, чтобы не сорвались планы, пойдет на уступки»³⁴. Попытки привлечь к сплавным работам крестьян из других губерний вызывали «недовольство крестьян», что в политических обстоятельствах того времени было для власти нежелательным³⁵.

Объективным основанием для пересмотра договоренностей был рост цен на продовольствие, от чего зависел минимальный заработок, на который крестьянин готов был согласиться. Профсоюз, которые в конце концов на период работы на лесозаготовках и лесосплаве стали объединять всех занятых этой деятельностью крестьян, видели причину кризиса в деятельности агентов заготовительных организаций, дожидавшихся безвыходного положения в деревнях, наступающего в период весенней «бескормицы», когда крестьяне будут «вынуждены в силу необходимости работать просто за кусок хлеба». Такой метод экономии издержек в действительности приводил к «громадному перерасходу» средств и нарушению плана заготовок³⁶.

Что делать?

Хозяйственные и партийные органы тщательно анализировали причины провала лесозаготовительного сезона 1925/26 года. В Северо-Двинской губернии цинично рассчитывали на неурожай хлеба в 1926 году, что «подавало надежду» на привлечение рабочих на следующий лесозаготовительный сезон. При этом присутствовало понимание необходимости наведения порядка в деле привле-

32. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 5-7.

33. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 113; ГААО. Ф. 4425. Д. 3. Л. 1 и др.

34. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 106.

35. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 5-7.

36. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 59. Л. 34-35.

чения рабочей силы³⁷. Стремилась ввести запрет на «внешнюю» вербовку «без соответствующего разрешения регулирующих органов»³⁸. Например, вологодским лесозаготовителям была запрещена любая вербовка («легальными и нелегальными путями») в Северо-Двинской губернии. Для заготовителей прижелезнодорожных территорий был разрешен организованный набор по специальным квотам, но лишь по окончании вербовки рабочих лесными концессиями, поскольку обеспечение экспортных операций оставалось первоочередным³⁹. Обсуждались вопросы «увязки расценок на рабочую силу на лесозаготовках в районах, смежных с соседними губерниями»⁴⁰. При заключении коллективных и трудовых договоров стремились закрепить первоначальные расценки, чтобы не допустить требований о повышении со стороны рабочих коллективов, уже приступивших к работам. Губернии были разделены на категории по расценкам на труд, которые учитывали наличие собственно продовольственного обеспечения и стремление крестьян искать дополнительный заработок (в таких случаях расценки были ниже, чем, например, в непроизводящей и малонаселенной Архангельской губернии). Чтобы не создавать опасной «утечки» рабочих на более выгодные работы, устанавливались одинаковые расценки на труд на смежных территориях соседних губерний.

В лесозаготовительный сезон 1926/27 года в северных губерниях перешли от торгов к плановому отпуску леса, для чего официально были установлены твердые цены на труд и осуществлено районирование лесоучастков. Однако крестьяне не сразу поверили в прочность твердых цен и продолжили не выходить на работы в ожидании прибавки. Повсеместно заготовки не начались вовремя, и часть зимнего сезона была упущена⁴¹.

Несмотря на установленные расценки, представители лесозаготовительных организаций вынуждены были идти на «замаскированные» формы ее повышения, например, выдачу рабочим вина за счет нанимателя⁴². Вологодская газета (видимо, не без преувеличения) описывала, как «агенты лесозаготовительных организаций с торгашеской ловкостью шныряли по деревням, по крестьянским избам. «Приманивали» крестьян на лесоразработки. Одни обещали — катать на паре с бубенцами, другие — водку с огурчиком, третьи — граммофон с ухарскими пластинками...»⁴³. Допущенный к лесозаготовкам капитализм в лице «смешанных» (русско-английской, русско-голландской, русско-норвежской) лесных концессий

37. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1842. Л. 1.

38. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 29.

39. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 29.

40. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 31.

41. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 320б.

42. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. 1926. Л. 5-7.

43. В густом лесу // Красный Север. 1927. 4 декабря. № 276. С. 6.

стремился повысить расценки рабочим-лесорубам по сравнению с утвержденными государством нормами, что являлось грубым нарушением. Случай, когда концессионеры подняли расценки на 60%, дошел до Москвы и стал предметом разбирательства⁴⁴. Ссылаясь на недостаток и дороговизну местной рабочей силы, агенты концессий завозили лесорубов и сплавщиков из соседних перенаселенных уездов⁴⁵. Помимо возмущения местных крестьян, недостатком такой вербовки была крайне низкая квалификация приезжих лесорубов, которым к тому же полагался более высокий заработок, поскольку, оторванные от дома, они нуждались в оплате жилья и покупке продовольствия.

Однако расширение лесозаготовок для развития лесного экспорта было требованием центральных органов власти. Циркулярным письмом из Архангельского губкома ВКП(б) секретарям уездных и волостных комитетов ставилась задача в полтора раза увеличить заготовку экспортной древесины. Со стороны правительства обещалось усиленное снабжение губернии хлебом, овсом и товарами — чаем, растительным маслом, крупой, мануфактурой⁴⁶. В таких обстоятельствах «подняла голову» кооперация, демонстрируя свои преимущества перед государственными заготовительными организациями⁴⁷, что было для правящей партии недопустимо.

Основной недочет проведенных перед началом лесозаготовительного сезона 1927/28 года мероприятий, по мнению специалистов более всего страдавшей от требований крестьян-лесорубов Архангельской губернии, заключался в том, что новые расценки устанавливались в соответствии не с экономическим районированием, а с административно-территориальными образованиями (губерниями). Иногда на соседних лесоучастках с одинаковыми условиями труда разница в зарплате составляла 20% и более, что вело к «перетягиванию» рабочих. «Руснорвеголес», которому по концессионному договору были выделены лесные участки вдоль р. Онеги, проходящей по Архангельской и Вологодской губерниям, где закреплены были разные нормы заработка, ходатайствовал о сравнении заработков лесорубов, проживающих в соседних районах, а также — о разрешении поднять плату лесорубам на 10%, объясняя это возможностью выполнить экспортный план только при этих условиях⁴⁸. Подобные привилегии могли бы еще более усугубить проблему «перетекания» дефицитной рабочей силы в другие районы.

44. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7758. Оп. 1.

Д. 73. Л. 104, 105.

45. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 17.

46. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1241. Л. 24.

47. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1241. Л. 7.

48. РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 73. Л. 44-46.

При введении твердых цен на труд не были учтены условия жизни рабочих на лесоучастках, а потому нормальные цены для одних, для других, зависящих от дорогого привозного хлеба, были низкими⁴⁹.

Завышенными по сравнению с другими лесорайонами оказались заработки у работавших в так называемых «железнодорожных районах». В северных губерниях дороги проходили по малонаселенным местностям, и более высокие расценки диктовались необходимостью привлечь рабочих. Оказывалось, что вроде бы справедливая дифференциация вела к тому, что лесорубы стремились работать именно там, оставляя другие участки без рабочей силы. При этом рациональное лесопользование требовало включения отдаленных территорий в зону вырубki, поскольку еще до Революции отмечался перекоc: в хорошо заселенных местностях вдоль рек лес был вырублен, а в междуречье ценная древесина пропадала «на корню». Для этого, по мнению специалистов из Архангельска, заинтересованных в обеспечении сырьем работающих на экспорт лесозаводов, следовало повысить расценки на труд в районах «с острым недостатком рабочих рук, отдаленностью массивов от жилья», то есть там, куда приходилось завозить рабочую силу, а также в районах, где «из-за отдаленности от удобных путей» наблюдалась дороговизна продовольствия и промтоваров.

Поднять расценки предлагалось и в районах, близких к заводской зоне, — «где можно хорошо заработать» (на лесозаводах и лесных биржах), что также создавало сложности с рабочими руками для лесозаготовок⁵⁰.

Из-за негативной реакции представителей лесной отрасли других северных губерний многие рекомендации специалистов из Архангельска не были приняты. Так, неприемлемой показалось предложение поставить заработок в зависимость от квалификации работника и сложности выполняемой им работы. Отказались и от идеи премирования, поскольку она не учитывала приверженности крестьян к «равенству»: «у крестьян сложилось впечатление, что премии — это замаскированные прибавки к установленным ценам», которые выдаются «по родству и свойству»⁵¹.

В поисках решения проблемы рабочих рук высказывались предложения поднять производительность труда рационализацией и модернизацией лесозаготовок: строить временные дороги-ледянки, узкоколейные железнодорожные пути (декавильки), монорейсовые подвесные дороги для вывоза леса и использовать трактора, что позволило бы сократить зависимость от рабочей и тягловой (лошадиной) силы⁵². Однако тогда остановились именно на приме-

49. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 320б.-34.

50. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 350б.- 360б.

51. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 350б.- 360б.

52. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 118, 119, 120.

нении человеческого труда — возможно, потому, что параллельно с обсуждением этого вопроса выплывало немало примеров беспхозяйственности при использовании инновационных технологий. Люди, казалось, были надежнее.

Несмотря на применяемые меры, сезон 1926/27 года также закончился «весьма неудачно»⁵³: намеченный производственный план вновь был сорван, обострились конфликты с крестьянами-лесорубами, заводы закрывались в связи с недостатком сырья, что, соответственно, приводило к недовольству и рабочих, и усугубляло экономические проблемы государства. Из-за вынужденной остановки на архангельских лесозаводах не было выработано экспортной древесины на сумму более 1 млн зол. руб.⁵⁴.

Кто виноват?

Нэп оживил частнособственнические настроения предприимчивой части крестьянства, у них все чаще возникал интерес к высоким доходам за лесоэкспорт, получаемым не только государственными, но и частными компаниями. В 1924 году на партийной конференции Сольвычегодского уезда «с мест» делались такие предложения: «Не надо спецов на лесозаготовках, пусть крестьяне сами на комиссионных началах отправляют лес за границу!»⁵⁵. Подобные настроения крестьян использовали и власти, чтобы канализировать недовольство населения неуспешными хозяйственными действиями в противоположную от себя сторону.

В политических условиях середины 1920-х годов революционные методы нужных результатов уже не давали. Политика «раскола» северной деревни с опорой на бедняка оказалась провальной. Не увенчались особым успехом и попытки создать через «комитеты крестьянской взаимопомощи» артели из «бедняков». Низкий профессиональный уровень таких «полупролетариев» вел к частым травмам, удорожая и замедляя заготовки. Постоянные конфликты между опытным артельщиком и рабочими, набранными по классовому принципу, создавали дополнительные трудности и не способствовали качеству работы, что совершенно не устраивало государство, заинтересованное в экспортном сырье — в первую очередь качественном, ну а потом уже — относительно дешевом.

Подрядчики, работавшие в лесорайонах с дореволюционных времен, стремились заключить договоры именно со своими, старыми и надежными работниками, которым предлагалось набрать артели, и те, согласно жалобам обиженных крестьян, вербовали по род-

53. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 320б.

54. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 118.

55. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 86-98.

ству и по свойству — в действительности же, стремились собрать свою прежнюю, опытную артель.

Власти, не желая при проведении политики «смычки между городом и деревней» ссориться с крестьянами, даже зажиточными, пытались воспользоваться проверенной практикой обвинения во всем «старых спецов». Архангельский обком на запрос ЦК ВКП(б) о плохой работе концессионных предприятий нашел причину: «по имеющимся сведениям, заготовительный аппарат состоит в большинстве из прежних работников...»⁵⁶. Депутаты советских съездов придерживались такого же мнения: «В лесозаготовительном аппарате больше всего чуждого элемента, старых лесопромышленников — специалистов, получающих большие ставки. Они тянут к себе кулацкий элемент. Можно обойтись и без спецов, заменить их практиками-лесорубами, и ставки можно поубавить... Лесозаготовительный аппарат у нас плохой, т. е. есть кулаки и покровительствующие кулачеству элементы, необходимо его хорошенько почистить. Не только штатный аппарат загнил, но и вербовщики рабсилы и старшие рабочих групп явно разложились и не соответствуют нашим требованиям»⁵⁷. Как видим, со временем принцип комплектации аппарата лесотрестов стал не соответствовать настроениям партийцев и рабочих-лесорубов.

Крестьяне жаловались на «плохих десятских», которые неправильно оценивают труд рабочих, грубы, не прислушиваются к их пожеланиям, грозят увольнением и т.п. Профсоюзы, недовольные «уклонением» лесозаготовительных организаций от заключения коллективных договоров, причину видели также и в «старых» формах работы лесозаготовительного аппарата: «Наем рабочих и увольнение проводится не в соответствии с указаниями [партийных органов]: принимают зажиточных, бедняков устраниют...»⁵⁸. Подрядчик «подбирает себе в артель по знакомству, которым и протезирует»⁵⁹.

После «ликвидации» (как было заявлено на пленарном докладе Архангельской партконференции в июле 1926 года) в ходе Революции «лесопромышленников, подрядчиков, эксплуататоров... кулацкие элементы, потеряв своих господ, пытаются отвоевать кусочек в лесной промышленности»; «вычищенные» из «Северолеса», они устремились в артели. В [1925] году происходило завоевание артелей лесорубов такими элементами... [И теперь] в лесорубочных артелях растет число чуждого элемента. Туда пролезают бывшие белые офицеры, приказчики, под руководством которых артель ставит условие: дашь такую плату — пойдем, не дашь — не пойдем...»⁶⁰.

*Т. И. Трошина,
О. М. Морозова*
«Кризис нэпа»
в северной
деревне...

56. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 15-16.

57. ГААО. Ф. 2325. Оп. 1. Д. 15. Л. 14, 41.

58. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 2506-27.

59. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1285. Л. 8.

60. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1446. Л. 148.

«Коммунизирование и чистка», по мнению Северо-Двинского губкома, требовалась даже низовому аппарату лесного ведомства, это — заведующие лесными районами, лесники, объездчики и другие специалисты, которые контролировали заготовки, исходя из требований сохранения лесов. «Воспитанные при царизме», эти работники, считалось, отличались «реакционностью», производя «отталкивающее впечатление [на] рабочих и население», которые называют работников лесных отделов «белогвардейским аппаратом». Здесь всегдашняя нелюбовь крестьян к работникам лесного ведомства, не позволявшим им распоряжаться лесом по своему усмотрению, вполне соответствовала желанию лесозаготовительных организаций избавиться от строгого надзора со стороны лесников. Проблему эту, как казалось критикам существующей системы лесозаготовки, решить будет легко: «выделить двух-трех хозяйственников-коммунистов, знакомых с лесным делом... устроить курсы по лесному хозяйству, выделить туда коммунистов»⁶¹.

Причину недовольства крестьян условиями договоров на заготовку видели и в «стариках», утверждавших, что теперь «цены [на труд] гораздо ниже дореволюционных... а молодежь склонна верить»⁶². Виновных продолжали искать среди «кулачества» и «затесавшихся» в советские хозяйственные органы «спецов», которые своей «нечуткостью, формальностью и неподготовленностью... тормят дело лесозаготовок»⁶³.

В Виноградовском районе представитель «Северолеса» шесть суток не мог добиться от крестьян подписания договора, объясняя это «давлением кулачества», под которым якобы лесорубы и не соглашались выходить на работы до повышения расценок на свой труд⁶⁴. В «сводках о подготовке лесозаготовок» появляются и труднопроверяемые факты, например, о случаях «пожара пунктов и контор в местах лесозаготовок», чем «темные силы деревни... пытаются внести дезорганизацию в начавшиеся лесозаготовки». Или о появившейся «на коре берез вырезанной ножом кулацкой прокламации: “Довольно работать по 12 часов. Можно и отдохнуть. Можно потише работать, куда нам торопиться”»⁶⁵.

Несмотря на активные поиски некоего «врага», создающего сложности для государственной важности лесозаготовок, деревня все более сплывалась в стремлении бороться за свои интересы, которые вступали в противоречие с общегосударственными. Необходимо было обеспечить лесозаготовки достаточным количеством рабочих рук, при этом людьми, для которых такая работа была важнейшим источником дохода.

61. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 123.

62. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 44.

63. ГАВО. Ф. п-1855. Оп. 1. Д. 29. Л. 109об.

64. ГАВО. Ф. п-1855. Оп. 1. Д. 29. Л. 110.

65. ГАВО. Ф. п-1855. Оп. 1. Д. 29. Л. 111.

Хозяйственники стали возвращаться к идее, которую вынашивали представители экономически активной общественности северных губерний в начале XX века — о необходимости переселенческих мероприятий из регионов с избыточным населением. 1920-е годы известны высоким уровнем безработицы. Даже в Архангельской губернии были территории с избыточным «безработным» крестьянским населением. Например, в преимущественно сельскохозяйственном Шенкурском уезде «крестьянство имеет колоссальный избыток рабочей силы... трудно найти город, где бы нельзя было встретить шенкуренка в поиске работы»⁶⁶.

При этом все чаще признавалось, что дальнейшему планированию производства и привлечению рабочей силы мешает наличие частных крестьянских хозяйств, обеспечивающих рабочим на лесозаготовках относительную самостоятельность. Планировалось переселение людей из обжитых мест в глухие леса, поближе к местам работы. В таких лесных поселках жители занимались бы преимущественно лесоповалом, имея лишь небольшие огороды для собственного обеспечения.

Заключение

Задачи индустриализации лесного хозяйства заставили отказаться и от «трудовых мобилизаций» периода военного коммунизма, и от дореволюционных методов найма рабочей силы. Среди новых форм обеспечения отрасли рабочими кадрами предпочтительным выглядело максимальное «пролетаривание» лесорубов, несмотря на выгоду, казалось бы, от использования сезонного труда крестьян, имеющих независимый источник продовольственного обеспечения — собственное хозяйство. Однако «кризис рабочих рук» напугал хозяйственников именно такой независимостью работников, позволяющей им достаточно долго держать «стачку» для достижения более выгодных для себя условий найма.

При этом, судя по документам, искушения искать источники политических «заговоров» не было; по обычаю того времени, обвиняли в срыве лесозаготовок, произошедших по причине массового отказа крестьян-лесорубов от работ, «спецов» и «кулаков».

Проекты дореволюционных хозяйственников и их коллег в 1920-е годы о «колонизации» северного края с целью обеспечить рабочими руками лесную промышленность были, в конце концов, реализованы, но в более жесткой, чем задумывалось, форме. На Европейский Север были направлены десятки тысяч семей раскулаченных земледельцев, которые в вынужденных обстоятельствах приобретали незнакомые им до этого умения лесорубов.

66. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1234. Л. 28-29.

После проведенной в северных губерниях коллективизации местные крестьяне получали спускаемые сверху планы, прежде всего, по лесозаготовкам. В целом северная деревня стала «раскрестьяниваться». Большинство колхозников в северных, лесных территориях воспринимали себя более пролетариями, чем крестьянами. А сельское хозяйство стало принимать формы вспомогательного занятия.

Достаточно высокие заработки и хорошее снабжение постепенно стали привлекать сюда вольнонаемных работников из других регионов страны, которые обосновывались в «лесных поселках», становясь особым отрядом рабочего класса.

К 1980-м годам интенсификация лесозаготовок способствовала сокращению лесных площадей, что, в свою очередь, вело к закрытию лесных поселков. Население их, в основном пришлое, покидало обжитые места, создавая все более усиливающуюся проблему сужения географического пространства и обезлюдивания стратегически важных для государства северных территорий.

Библиография

- Бехтерева Л. Н. (2010). Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Вып. 1. С. 57-64.
- Вавулинская Л. И. (2017). Лесозаготовки в Карелии и вопросы экологии (история и современность) // Природа и человек в пространстве культуры. Уфа: Башкирский государственный университет. С. 91-95.
- Воейков Е. В. (2011). К истории заготовок местных видов топлива в Поволжье периода нэпа // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. № 23. С. 345-347.
- Воейков Е. В. (2020). Дискуссия об управлении лесным хозяйством в годы новой экономической политики (1925–1927 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 2. № 1. С. 23-32.
- Голанд Ю. М. (1991). Кризисы, разрушившие НЭП. М.: Международный научно-исследовательский институт управления.
- Горинов М. М. (1990). Альтернативы и кризисы в период нэпа. (К вопросу о социально-экономических проблемах внутрипартийной борьбы в 20-е годы) // Вопросы истории КПСС. № 1. С. 3-18.
- Дианова Е. В. (2019). Быт лесозаготовителей Европейского Севера (1920-е — начало 1930-х гг.) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. С. 284-290.
- Зозуля О. А. (2002). Зигзаги нэпа: экономические и политические кризисы 20-х годов // Лесной вестник. № 3. С. 162-171.
- Милов Л. В. (2001). Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.
- Рапопорт Ю. М. (1984). Осуществление экономической политики коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР, 1917–1925 гг. Л.: Ленинградский государственный университет.
- Саблин В. А. (2021). Государственная политика в сфере аграрной колонизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. № 4 (23). С. 25-30.

- Трошина Т. И. (2011). Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России в первой четверти XX века. Архангельск: Поморский государственный университет.
- Трошина Т. И. (1917). «Крестьянство рубит лес для себя в широких размерах, без всяких разрешений, нет средств прекратить самовольные порубки». Северная деревня в 1917 г. // Вестник архивиста. № 2. С. 87-101.
- Трошина Т. И. (2024). Медицинская и медико-санитарная помощь в районах лесозаготовительной деятельности иностранных концессионеров в северных губерниях Европейской России в 1920-е гг. // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность: в 2 т. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. Т. 2. С. 91-95.
- Шегельман И. Р., Кулагин О. И. (2015). Лесозаготовки и лесное хозяйство. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет.
- Шубин С. И. (2000). Северный край в истории России: проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е гг. Архангельск: Поморский государственный университет.
- Фельдман М. А. (2022). Власть, ученые, рабочие СССР в годы нэпа: проблема взаимоотношений. Екатеринбург: Уральский институт управления.
- Яков В. В. (2013). Отношение крестьян Коми Области к труду на лесозаготовках в 1920–1930-е годы // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72). С. 74-81.

*Т. И. Трошина,
О. М. Морозова*
«Кризис нэпа»
в северной
деревне...

“NEP crisis” in the northern village, or peasant “proletarianization” as a specific form of “de-peasantization” in non-agricultural regions in the interests of industrialization

Tatiana I. Troshina, DSc (History), Professor, Department of Social Work and Social Security, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; Department of Humanities, Northern State Medical University. 163 002, nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk. E-mail: tatr-arh@mail.ru

Olga M. Morozova, DSc (History), Professor, Department of Public Relations, Don State Technical University. 344000, Gagarina sq., 1, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: olgafrost@gmail.com

Abstract. Issues of industrialization and collectivization in the northern regions of Soviet Russia have been well studied, with an emphasis on both positive and negative consequences. The article provides grounds for another discussion — of alternative forms of social, economic and political development of the country on the example of a particular territory. The authors focus on the role of the “NEP crises” in the final transition to the “forced industrialization”. There were two major crises — “crisis of sales” (1923–1924) and “crisis of grain procurement” (1927–1928), which to a greater or lesser extent affected the transition to the planned economy. “Labor crisis” is less known: it broke out in the northern (forest) regions of the European North during the 1925/26 logging season and played a similar role in the industrialization of the Soviet timber industry. The essence of this “crisis” was the competition of logging organizations, which contributed to the peasants’ (loggers and rafters) refusal to conclude contracts, while waiting for more profitable offers. The semi-peasant economy of loggers allowed them to be quite independent from earnings in the forestry sector. Sabotage of loggers and refusal to fulfill already concluded agreements disrupted production plans and, thus, violating export obligations, especially of the “sluggish giants” (state trusts), and created prerequisites for the government measures for the planned organization of the work-

force. The same applies to the “colonization” of the region, since the constant shortage of labor significantly increased the cost of export timber. There were increasingly more suggestions about regional specialization and, eventually, “proletarianization” of the peasantry engaged in logging. These radical ideas under real problems took over rational economic managers’ minds. Negative results of the semi-state management in the resource territories during the NEP period led to the idea of five-year plans as the most promising and quickest way to solve all problems. Despite the persistent revolutionary enthusiasm with its ideas of freedom, practitioners agreed with the ideas of the 19th-century entrepreneurs about forced labor. Sending administratively expelled peasants to settlements in forest areas and setting tough logging tasks for the local population, including collective farmers, were seen as the only way out of the crisis that is considered in the article as another “NEP crisis”.

Key words: North European Russia, northern peasants, non-agricultural activities, “new economic policy”, industrialization, logging, labor shortage, forestry, forms of peasant protest, timber industry

References

- Bekhtereva L. N. (2010) Problemy novoj ekonomicheskoj politiki 1920-h godov v sovremennoj otechestvennoj istoriografii [Issues of the new economic policy of the 1920s in the contemporary Russian historiography]. *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology*, no 1, pp. 57–64.
- Dianova E. V. (2019). Byt lesozagotovitelej Evropejskogo Severa (1920-e — nachalo 1930-h gg.) [Everyday life of loggers in the European North (1920s — early 1930s)] *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost (regionalny aspekt)*, Saint Petersburg: Pushkin Leningrad University, pp. 284–290.
- Feldman M. A. (2022) *Vlast, uchenye, rabochie SSSR v gody nepa: problema vzaimootnoshenij* [Soviet Power, Scientists, and Workers during the NEP: Their Relationship], Ekaterinburg: Ural Institute of Management.
- Goland Yu. M. (1991) *Krizisy, razrushivshie NEP* [Crises That Destroyed the NEP], Moscow: International Research Institute of Management.
- Gorinov M. M. (1990) Alternativy i krizisy v period nepa (K voprosu o sotsialno-ekonomicheskikh problemah vnutripartijnoj borby v 20-e gody) [Alternatives and crises during the NEP (On social-economic issues of the intra-party struggle in the 1920s)]. *Issues of History of the Communist Party of the USSR*, no 1, pp. 3–18.
- Milov L. V. (2001) *Velikorussky pakhar i osobennosti rossijskogo istoricheskogo protsessa* [Great Russian Plowman and Features of the Russian Historical Process], Moscow: Russian Political Encyclopedia.
- Rapopot Yu. M. (1984) *Osushhestvlenie ekonomicheskoj politiki kommunisticheskoj partii v uslovijah Evropejskogo Severa RSFSR, 1917–1925 gg.* [Economic Policy of the Communist Party in the European North of the RSFSR, 1917–1925], Leningrad: Leningrad State University.
- Sablin V. A. (2021) Gosudarstvennaja politika v sfere agrarnoj kolonizatsii evropejskogo severa Rossii v 1920–1930-e gody [State policy in the field of agrarian colonization in the European North of Russia in the 1920s–1930s]. *Bulletin of the Vologda State University. Historical and Philological Sciences*, no 4, pp. 25–30.
- Shegelman I. R., Kulagin O. I. (2015) *Lesozagotovki i lesnoe khozjajstvo* [Logging and Forestry], Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
- Shubin S. I. (2000) *Severny kraj v istorii Rossii: problemy regionalnoj i natsionalnoj politiki v 1920–1930-e gg.* [Northern Region in Russian History: Issues of Regional and National Policy in the 1920s–1930s], Arkhangelsk: Pomor State University.
- Troshina T. I. (2011) *Dinamika i napravlenost sotsialnyh protsessov na Evropejskom Severe Rossii v pervoj chetverti XX veka* [Dynamics and Direction of Social Processes in the

- European North of Russia in the First Quarter of the 20th Century], Arkhangelsk: Pomor State University.
- Troshina T. I. (2017) "Krestjanstvo rubit les dlja sebja v shirokih razmerah, bez vsjakih razreshenij, net sredstv prekratit samovolnye porubki". Severnaja derevnja v 1917 g. ["The peasantry cut down the forest for their firewood on a huge scale, without any permissions, and there are no means to stop unauthorized logging". Northern village in 1917]. *Herald of the Archivist*, no 2, pp. 87–101.
- Troshina T. I. (2024) Meditsinskaja i mediko-sanitarnaja pomoshch v rajonah lesozagotovitelnoj dejatel'nosti inostrannyh kontsessionerov v severnyh gubernijah Evropejskoj Rossii v 1920-e gg. [Medical and medical-sanitary assistance in the logging areas of foreign concessionaires in the northern provinces of European Russia in the 1920s]. *Zdoroviesberezenie v povsednevnoj zhizni: istorija i sovremennost*, Saint Petersburg: Pushkin Leningrad University, vol. 2, pp. 91–95.
- Vavulinskaja L. I. (2017) Lesozagotovki v Karelii i voprosy ekologii (istorija i sovremennost) [Logging in Karelia and environmental issues (history and the present state)]. *Priroda i chelovek v prostranstve kultury*, Ufa: Bashkir State University, pp. 91–95.
- Voejkov E. V. (2011) K istorii zagotovok mestnyh vidov topliva v Povolzhie perioda nepa [On the history of procurement of local fuels in the Volga Region during the NEP]. *News of Belinsky Penza State Pedagogical University*, no 23, pp. 345–347.
- Voejkov E. V. (2020) Diskussija ob upravlenii lesnym khozjajstvom v gody novoj ekonomicheskoj politiki (1925–1927 gg.) [Discussion about forestry management during the new economic policy (1925–1927)]. *News of the Samara Scientific Center of the RAS. Historical Sciences*, vol. 2, no 1, pp. 23–32.
- Yakov V. V. (2013) Otnoshenie krestijan Komi Oblasti k trudu na lesozagotovkah v 1920–1930-e gody [Peasants' attitude to logging labor in the Komi Region in the 1920s–1930s]. *Industrializatsija Evropejskogo Severo-Vostoka Rossii: predposylki, sposobny osushhestvlenija i vlijanie na sotsialno-ekonomicheskoe, politicheskoe, etnodemograficheskoe i kulturnoe razvitie regiona. Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS*, issue 72, Syktyvkar, pp. 74–81.
- Zozulya O. A. (2002) Zigzagi nepa: ekonomicheskie i politicheskie krizisy 20-h godov [Zigzags of the NEP: Economic and political crises of the 1920s]. *Forestry Bulletin*, no 3, pp. 162–171.

Т. И. Трошина,
О. М. Морозова
«Кризис непа»
в северной
деревне...